

ПРАВИЛО ТИШИНЫ

А А

Правило тишины

<https://litres.ru/74568117>

SelfPub; 2026

Аннотация

Марк слышит то, что не слышат другие. Каждый гул, каждый шёпот, каждую трещину в тишине. Его диагноз — гиперacusия. Его работа — чистить аудиозаписи для судов. Его жизнь — наушники и подвал, где можно спрятаться от города, который кричит.

Но однажды в записи «самоубийства» он находит голос. Четыре слова: «Переходим к коррекции». И метроном, который тикает на частоте три тысячи герц — частоте, на которой город шепчет своим жителям.

Четырнадцать мёртвых. Один сигнал. Один голос. Система, которая не предсказывает преступления — она их создаёт.

Чтобы выжить, Марку придётся выключить телефон, выбросить часы и научиться слышать тишину. Потому что тишина — это не покой. Тишина — это дыра. И в этой дыре кто-то считает.

Тик. Тик. Тик. Ноль восемь секунды.

Содержание

Глава	4
Конец ознакомительного фрагмента.	32

А А

Правило тишины

Глава

ПРАВИЛО ТИШИНЫ

===ГЛАВА===

Глава 1. Город звучит неправильно

Я слышу, как умирает лампочка.

Не фигурально. Не поэтично. Буквально. Тонкая вольфрамовая нить накаливания в светильнике над моей головой вибрирует на частоте около четырёхсот двадцати герц, и за три секунды до того, как она перегорит, эта вибрация меняется. Становится рваной. Неровной. Как предсмертный хрип.

Я успеваю закрыть глаза и отвернуться, прежде чем стекло лопается. Мелкие осколки сыплются на стол, на клавиатуру, на мои руки. Один впивается в тыльную сторону ладони. Не сильно. Но я чувствую, как тонкая игла входит под кожу, и слышу — слышу — как рвётся капилляр. Тихий, влажный щелчок.

— Отлично, — говорю я вслух, потому что если не сказать это вслух, я скажу это в голову, а в голове у меня и так

достаточно шума.

Вытаскиваю осколок. Капля крови падает на клавиатуру. Вытираю рукавом. Не больно. Почти.

За окном гудит город.

Для вас это, наверное, метафора. Город гудит, город шумит, город живёт. Красивые слова для людей, которые научились не замечать звук. Для меня это не метафора. Это диагноз. Гиперакузия. Повышенная чувствительность к звуковым раздражителям. Звучит как суперспособность из дешёвого комикса, но на деле это значит, что обычный мир для меня — комната, в которой кто-то выкрутил громкость на максимум и выбросил пульт.

Сейчас, в половине второго ночи, город за моим окном на седьмом этаже не спит. Я слышу, как в трёх квартирах сверху кто-то смотрит телевизор. Не просто слышу — различаю. Третий канал, новости, ведущая гнусавит. Пятый этаж, левое крыло — сериал, смех за кадром. А на восьмом, прямо надо мной, сосед Костя снова сверлит. В два часа ночи. Костя сверлит всегда. Я подозреваю, что он не сверлит стену, а сверлит мою нервную систему. Намеренно. С садистским удовольствием.

Я натягиваю наушники. Не те, что в ушах — маленькие вкладыши мне не помогают, звук всё равно просачивается по костной проводимости. Большие, полноразмерные, с активным шумоподавлением. Стоят как крыло от самолёта. Заработал на них три месяца назад, чистая запись для одного ад-

воката, которому нужно было доказать, что его клиент не говорил слово, которое очень похоже на другое слово. Адвокат заплатил. Клиент сел. Или не сел. Я не спрашивал.

Наушники обхватывают череп. Мир становится тише. Не тихим — тише. Это разные вещи. Полной тишины для меня не существует. Даже в вакууме я буду слышать собственную кровь.

Я поворачиваюсь к мониторам. Три экрана. На левом — спектрограмма: цветная карта звука, где каждая полоска — частота, каждый оттенок — громкость. Для нормальных людей это выглядит как абстрактная живопись. Для меня — как рентген. Я вижу звук. Буквально. Вижу, где в записи прячется голос, а где — мусор. Где дыхание, а где скрип стула. Где правда, а где монтаж.

На центральном мониторе — проект. Заказ. Очередная аудиозапись с телефона, которую нужно «почистить». Какой-то мужик записал на диктофон разговор с партнёром по бизнесу. Партнёр, судя по всему, обещал вернуть долг. Мужик хочет, чтобы запись звучала чисто для суда. Проблема в том, что запись сделана в ресторане. На фоне — музыка, звон бокалов, детский плач за соседним столиком, гул вытяжки и чьё-то «официант, ещё графинчик».

Я выделяю голос. Обрезаю частоты ниже ста герц — там гул. Выше восьми килогерц — там свист вытяжки и тот самый детский плач. Двигаю ползунки. Голос становится чище. Суше. Как будто мужик сидит не в ресторане, а в кар-

тонной коробке. Но суду не нужна атмосфера. Суду нужны слова.

Работа монотонная. Тупая. Но она платит за квартиру. И она держит меня в тишине. Когда я работаю со звуком, я его контролирую. Я решаю, что оставить, а что убрать. В реальной жизни я так не могу. В реальной жизни я не могу вырезать Костю с его дрелью. Не могу вырезать гудение трансформаторной будки под окнами. Не могу вырезать звук, с которым капает вода из крана на кухне, — кап, кап, кап — каждые четыре секунды, и я считаю, я всегда считаю, потому что мозг не может не считать.

Я делаю перерыв. Встаю. Хрустят колени — я слышу, как хрящи трутся друг о друга, и это отвратительно. Иду на кухню. Открываю холодильник. Компрессор гудит. Не просто гудит — он вибрирует на частоте, которая отдаётся у меня в зубах. Я знаю, что нормальные люди этого не слышат. Я знаю. Но знание не помогает.

Достаю бутылку воды. Пью. Глотки звучат в черепе как удары по барабану.

Телефон на столе вибрирует. Не звонит — вибрирует. Экран светится. Сообщение.

Я смотрю на время. Два сорок семь. Никто нормальный не пишет в два сорок семь. Никто нормальный не звонит после одиннадцати. Люди, которые пишут ночью, либо пьяные, либо мёртвые. Либо у них неприятности.

Я беру телефон.

Сообщение от контакта, записанного как «Гриша Менты». Гриша — капитан из отдела технической экспертизы. Мы пересекались пару раз. Он подкидывает мне работу, когда у них в лаборатории не хватает рук или когда нужно сделать что-то быстро и не по протоколу. Я не задаю вопросов. Он не задаёт вопросов. Взаимовыгодный симбиоз паразитов.

Сообщение короткое:

«Марк. Есть работа. Неофициально. Оплата хорошая. Запись сложная. Завтра в 10, у меня в кабинете. Не опаздывай».

Я смотрю на экран. Гриша не из тех, кто пишет «оплата хорошая». Гриша пишет «оплата нормальная» или «оплата как обычно». «Хорошая» — это слово из другого словаря. Из словаря, в котором Гриша просит одолжить денег или извиняется.

И слово «сложная». Гриша работает с записями пятнадцать лет. Для него не бывает сложных записей. Бывают записи, на которые ему лень тратить время.

Я набираю ответ: «Что за запись?»

Три точки. Гриша печатает. Долго. Для него это ненормально. Обычно он отвечает голосовыми по три секунды, в которых слышно, как он жуёт.

«Самоубийство. Блогер. Денис Волков. Запись с крыши. Нужно вытащить фон. Больше не спрашивай. Завтра в 10».

Я смотрю на имя. Денис Волков. Блогер. Я не смотрю логи. Я вообще мало что смотрю — в основном слушаю. Но

имя всплывает в памяти. Волков. Тот, который делал расследования. Копал под городские подряды, под мэрию, под строительные компании. Месяц назад его канал заблокировали. А потом он, кажется, прыгнул с крыши.

Кажется.

Я перечитываю сообщение. Самоубийство. Слово, которое Гриша написал без эмоций. Как «протокол» или «экспертиза». Для него это работа. Очередная запись. Очередной мёртвый голос, который нужно почистить, чтобы живые могли закрыть дело.

Я ставлю телефон экраном вниз. Иду обратно к столу. Сажусь. Смотрю на спектрограмму чужого разговора в ресторане. «Официант, ещё графинчик».

Надеваю наушники. Возвращаюсь к работе.

Но внутри что-то щёлкает. Не громко. Не как лампочка. Тихо. Как секундомер, который кто-то завёл в другой комнате.

Я не знаю, почему мне не по себе. Может быть, из-за слова «крыша». Может быть, из-за того, что Гриша написал в три часа ночи. Может быть, из-за того, что Денис Волков прыгнул вниз, а я сижу на седьмом этаже и слушаю, как город гудит, как город дышит, как город переваривает своих мёртвых.

А может быть, из-за того, что я слышу, как за стеной, в квартире Кости, дрель наконец замолкает. И наступает тишина. Но это не та тишина, которая должна быть. В ней есть

пауза. Короткая, неправильная пауза, как будто кто-то набрал воздух в грудь и забыл выдохнуть.

Я снимаю наушники.

Слушаю.

Тишина.

Потом — очень тихо, почти на грани восприятия, — звук. Не дрель. Не телевизор. Что-то другое. Ритмичное. Как тиканье. Как метроном. Тихое, далёкое, но ровное. Слишком ровное для этого дома, для этой ночи, для этого города, который никогда не бывает ровным.

Я замираю. Считаю. Один. Два. Три. Четыре.

Звук прекращается.

Я жду. Пять секунд. Десять. Тридцать.

Тишина. Настоящая. Пустая.

Я выдыхаю. Наверное, трубы. Наверное, лифт на последнем этаже. Наверное, мой собственный пульс, который я слышу в ушах, когда слишком долго сижу в тишине.

Надеваю наушники. Поворачиваюсь к монитору.

Завтра в десять. Денис Волков. Запись с крыши.

Я нажимаю «плей» на чужом разговоре. «Официант, ещё графинчик». Голос партнёра: «Я верну. Даю слово».

Я чищу запись. Вырезаю шум. Вырезаю фон. Оставляю только то, что нужно.

Но в голове, на самой нижней частоте, на грани слышимости, продолжает тикать метроном.

И я не могу его выключить.

===ГЛАВА===

Глава 2. Заказ

Утро началось с того, что я услышал, как сосед снизу варит кофе.

Не метафорически. Я слышал, как вода в его турке закипает на частоте около двух килогерц, как пенка поднимается, как он ругается, потому что пенка убегает, как он ставит турку обратно на конфорку. Слышал скрип табуретки, на которую он сел. Слышал, как он отхлебнул и обжёгся. Слышал его «блядь» сквозь два этажа и перекрытие из железобетона.

Я натянул подушку на голову. Не помогло.

К девяти я был в душе. К десяти — в метро. Наушники на голове. Шумоподавление на максимум. Но метро — это метро. Гул тоннеля, визг тормозов, объявление станций, чьё-то дыхание в затылок, шорох курток, щелчки телефонов. Я чувствовал себя как человек, которого засунули внутрь барабана и бьют по нему палками.

Гришин кабинет находился на четвёртом этаже здания, которое пахло линолеумом, дешёвым кофе и безысходностью. Типичная государственная контора: облезлые стены, лампы дневного света, которые гудят на частоте, от которой у меня ноют зубы, и очередь из людей, которые не хотят здесь быть.

Я не хотел здесь быть.

Гриша сидел за столом, заваленном папками. Крупный мужик, сорок с чем-то, с лицом человека, который видел

слишком много трупов и слишком мало отпусков. На столе — два стакана чая. Один для него. Второй, видимо, для меня. Чай остыл. На поверхности плавала плёнка.

— Садись, — сказал Гриша. Не поздоровался. Не предложил руку. Просто ткнул пальцем в стул.

Я сел. Снял наушники. Повесил на шею. Без них мир стал громче. Кондиционер в углу гудел, как раненый зверь. Где-то в коридоре кто-то смеялся. Громко. Неприятно.

— Волков, — сказал Гриша. Не вопрос. Утверждение. Он бросил на стол флешку. Обычную, чёрную, на шестнадцать гигабайт. — Денис Волков. Блогер. Знаешь такого?

— Слышал, — сказал я. — Он делал расследования. Месяц назад прыгнул с крыши.

— Две недели назад, — поправил Гриша. — Шестнадцатое число. Крыша бизнес-центра «Вертикаль». Двадцать третий этаж. Официальная версия — суицид. Предсмертная записка на телефоне. Всё чисто. Дело закрыто через три дня.

— Тогда зачем я?

Гриша помолчал. Отхлебнул чай. Поморщился. Чай был холодный, но ему было всё равно.

— Потому что дело закрыли, но запись с камеры на крыше не почистили. Там фоновый шум. Следователь, который вёл дело, сказал: «Ничего не слышно, самоубийство, расходимся». Но мне не нравится.

— Что не нравится?

— Что на записи есть звук, который не должен быть.

Я посмотрел на флешку. Потом на Гришу. Гриша не шутил. Гриша вообще никогда не шутил. У него чувство юмора умерло примерно тогда же, когда он первый раз увидел труп.

— Что за звук?

— Не знаю. Поэтому ты. Ты слушаешь лучше, чем любой наш эксперт. Послушай. Почисти. Вытащи фон. Если там ничего нет — я тебе заплачу, и мы расходимся. Если там что-то есть... — Гриша развёл руками. — Тогда я не знаю, что мы делаем.

— Гриша. Ты мне пишешь в три часа ночи. Ты говоришь «оплата хорошая». Ты не говоришь «оплата хорошая» с две тысячи девятнадцатого года. Что происходит?

Гриша поставил стакан. Посмотрел на меня. В его глазах было то, чего я раньше не видел. Не страх. Гриша не из тех, кто боится. Но что-то похожее. Усталость. Такая глубокая, что она уже не выглядит как усталость. Она выглядит как пустота.

— Мне позвонили, Марк. После того как я сказал, что хочу отправить запись на повторную экспертизу. Позвонили на личный номер. Который не в базе. Который знают три человека. И сказали: «Не надо». Спокойно. Вежливо. Без угроз. Просто — «не надо».

Я молчал.

— Я не знаю, кто звонил, — продолжил Гриша. — Но я знаю, что дело закрыли за три дня. Самоубийство. Без вскрытия. Без дополнительной экспертизы. Три дня. Ты понима-

ешь, что это значит?

Я понимал. Это значит, что кто-то очень хотел, чтобы Денис Волков остался мёртвым. И чтобы никто не слушал, что было на крыше.

Я взял флешку. Положил в карман.

— Когда нужен результат?

— Чем быстрее, тем лучше. Но не в ущерб качеству. Я знаю, ты не халтуришь.

Я встал. Надел наушники. Мир стал тише.

— Гриша.

— Что?

— Если мне позвонят и скажут «не надо» — я тоже скажу «не надо». Я не герой. Я просто чищу звук.

Гриша кивнул. Но не ответил. Он смотрел на меня так, как смотрят на человека, который уже согласился, но ещё не понял этого.

Я вышел из кабинета. В коридоре кто-то смеялся. Громко. Я прибавил громкость шумоподавления.

В кармане лежала флешка. Шестнадцать гигабайт чужой смерти.

===ГЛАВА===

Глава 3. Шёпот

Я не поехал домой.

Дом — это Костя с дрелью, гудящий холодильник и лампочка, которая может перегореть в любой момент. Дом — это место, где я слышу каждый звук, и каждый звук знает,

где я живу.

Я поехал в студию.

«Студия» — это громкое слово для подвального помещения под бывшим заводом на окраине. Когда-то здесь был склад. Потом — мастерская по ремонту магнитофонов. Потом — ничего. Я арендовал его за копейки, потому что хозяин не мог сдать подвал с потолком в два метра и без окон. Для меня это было идеально. Нет окон — нет уличного шума. Два метра потолка — звук не гуляет. Стены обиты поролоном и старыми коврами, которые я притащил с помойки. Дешёво. Уродливо. Но тихо.

Здесь было тихо.

Настоящая тишина. Не та, которую дают наушники — искусственная, ватная, мёртвая. А живая тишина. Тишина, в которой слышно только моё дыхание и гул крови в ушах. Тишина, в которой я могу думать.

Я сел за рабочий стол. Включил монитор. Подключил флешку.

На флешке был один файл. Видео. Четыре минуты двенадцать секунд. Запись с камеры наблюдения на крыше бизнес-центра «Вертикаль». Двадцать третий этаж. Шестнадцатое число. Ночь.

Я нажал «плей».

На экране — крыша. Серый бетон. Ограждение. Небо. Ночь, но камера снимает в инфракрасном спектре, поэтому всё выглядит как старая плёнка — серое, зернистое, плос-

кое. Ветер шевелит какой-то мусор. Пакет. Обёртку.

На двадцать третьей секунде в кадре появляется фигура. Мужчина. Худой, в тёмной куртке. Денис Волков. Я не видел его лица — камера смотрит сверху, под углом, лицо в тени капюшона. Но я знал, что это он. Походка. Сутулость. Руки в карманах.

Волков идёт к краю. Медленно. Не быстро. Не решительно. Медленно. Как человек, который не хочет идти, но идёт.

Он останавливается у ограждения. Стоит. Минуту. Две. Я не могу слышать звук на видео — камера пишет видео без микрофона. Но Гриша скинул отдельно аудиодорожку. Звук записывался на микрофон камеры. Дешёвый, паршивый, с ветром и помехами. Но он был.

Я открыл аудиодорожку в отдельной программе. Спектрограмма развернулась на экране — цветная карта звука. Зелёный — тихо. Жёлтый — средне. Красный — громко.

Большая часть записи — зелёная. Ветер. Гул города внизу. Шум вентиляции на крыше.

Волков стоит у края. Потом — на третьей минуте и сорок второй секунде — он перелезает через ограждение.

Я не стал смотреть, как он падает. Я отвернулся от монитора. Слушал только звук. Шум ветра. Скрип металла. И потом — тишина. Не та тишина, которая бывает, когда звук выключают. А та, которая бывает, когда звук перестаёт иметь значение.

Я перемотал. Не на момент падения. На момент до.

Три минуты тридцать секунд. Волков стоит у края. Ветер. Гул. И ничего больше.

Я начал чистить.

Это то, что я делаю. Я убираю шум. Ветер — это низкие частоты, от двадцати до двухсот герц. Гул города — широкий спектр, но его можно подавить, если знаешь, какие частоты вырезать. Вентиляция — монотонный гул на ста пятидесяти герцах, его легко убрать узким фильтром.

Я работал час. Два. Три. Слой за слоем. Как археолог, который кисточкой снимает землю с кости. Я убирал ветер. Убирал гул. Убирал вентиляцию. Убирал шорох мусора. Убирал скрип ограждения.

На четвёртом часу я дошёл до дна. До того, что было под всеми слоями шума.

И там было что-то.

Я замер. Рука на мышке. Пальцы на клавиатуре. Я смотрел на спектрограмму и не верил.

На частоте около трёх тысяч герц — в диапазоне человеческого шёпота — была полоска. Тонкая. Едва заметная. Зелёная, почти сливающаяся с фоном. Но она была. Ритмичная. Повторяющаяся.

Я увеличил громкость. Вывел эту частоту на отдельную дорожку. Подавил всё остальное. Оставил только эту полоску.

Надел наушники. Нажал «плей».

И услышал.

Стук. Ритмичный. Ровный. Как метроном. Тихий, но идеально ровный. Не сердце. Не шаги. Механизм. Тик-тик-тик-тик. С интервалом ровно в ноль восемь секунды.

И под стук — шёпот. Не слова. Почти не слова. Скорее дыхание, которое пытается стать словами. Голос. Мужской. Низкий. Спокойный. Не кричит. Не шепчет от страха. Говорит тихо, потому что хочет, чтобы слышали только те, кто рядом.

Я крутил эквалайзер. Поднимал частоты. Добавлял усиление. Шёпот становился чуть чётче. Но слова расплывались. Как будто голос говорил сквозь воду.

И вдруг — на три-тридцать-восемь — голос становится громче. Не на много. На полдецибела. Но этого хватает.

Я слышу.

«...фаза три... объект стабилен... переходим к коррекции...»

Четыре слова. Произнесённые спокойно. Ровно. Как приказ. Как инструкция. Как рецепт.

И потом — щелчок. Один. Короткий. Механический. Как секундомер. Как замок. Как курок.

Я снял наушники. Руки тряслись. Не сильно. Но я видел, как пальцы вибрируют над клавиатурой.

Я откинулся на стул. Посмотрел в потолок. Поролон. Ковры. Тёмные пятна от старой воды.

Фаза три. Объект стабилен. Переходим к коррекции.

Это не суицид. Это не «прыгнул сам». Это команда. Кто-

то стоял на крыше. Рядом. В двух метрах. Может, в одном. И говорил в микрофон или в телефон. И давал команду. И Волков прыгнул.

А потом кто-то нажал кнопку на записи. Или нет. Может, запись просто не заметили. Может, следователь посмотрел видео, увидел, как мужик прыгает, и сказал: «Самоубийство, расходимся». Не стал слушать фон. Не стал чистить звук. Не стал копать.

Три дня. Дело закрыто за три дня.

Я посмотрел на флешку. Шестнадцать гигабайт. Одна запись. Четыре минуты чужой смерти.

И голос, который сказал: «Переходим к коррекции».

Я взял телефон. Набрал Гришу. Три гудка. Четыре. Пять. Не берёт.

Я набрал ещё раз.

«Абонент временно недоступен».

Посмотрел на часы. Два часа ночи. Гриша мог спать. Мог быть в душе. Мог быть где угодно.

Но внутри меня что-то сжалось. Тихо. Как пружина. Как та самая пауза в тишине, которую я слышал вчера.

Я сохранил проект. Скопировал файл на второй диск. На третий. На облако. На флешку. Четыре копии. Параноидально. Но я слышал, как Грише сказали «не надо». И я слышал голос на записи. И я не хотел, чтобы мне сказали «не надо».

Я выключил монитор. Сидел в темноте. В тишине. В подвале, где нет окон и нет города.

Но метроном в голове продолжал тикать.

Тик. Тик. Тик. Тик.

Ноль восемь секунды. Ровно. Идеально.

===ГЛАВА===

Глава 4. Идеальный город

Виктор Саввин не любил шум.

Это было иронично, учитывая, что он построил империю на данных. На миллионах байтов информации, которые еже-секундно генерировали жители города. Каждое сообщение, каждый клик, каждый маршрут в навигаторе, каждый пульс на фитнес-браслете — всё это было шумом. Но Саввин умел превращать шум в сигнал. В паттерн. В предсказание.

Он стоял у панорамного окна своего кабинета на сорок втором этаже башни «Аврора». Стеклопанельная стена от пола до потолка. Город внизу светился миллионами огней. С этой высоты он не слышал ни гудков, ни голосов, ни ветра. Только тихий гул кондиционера и далёкое жужжание лифта.

Идеальная тишина. Саввин ценил тишину.

— Виктор Андреевич.

Голос за спиной. Тихий. Почти бесшумный. Саввин не обернулся. Он знал, кто это. По отсутствию звука шагов. По тому, как воздух в комнате изменился на полградуса. По тому, как тишина стала немного другой.

— Да, — сказал Саввин.

— Запись с крыши. Она была отправлена на дополнительную экспертизу.

— Кто?

— Капитан Григорьев. Технический отдел. Внутренняя экспертиза. Не дошло до лаборатории. Он забрал файл к себе.

Саввин кивнул. Медленно. Не обернулся. Смотрел на город.

— И?

— Он отдал её внешнему специалисту. Аудио-форензик. Марк Волков. Нет, не родственник блогера. Просто однофамилец. Двадцать шесть лет. Работает на фрилансе. Чистит записи для адвокатов, для судов. Гиперакузия. Сверхчувствительный слух.

Саввин повернулся. Медленно. В его лице не было злости. Не было страха. Не было вообще ничего, кроме лёгкого, почти академического интереса. Как у профессора, которому принесли необычный образец под микроскоп.

— Гиперакузия, — повторил Саввин. — Он слышит то, что не слышат другие.

— Да.

— Значит, он услышит шёпот.

— Скорее всего, уже слышал.

Саввин подошёл к столу. Сел. Открыл ноутбук. На экране — карта города. Не обычная. На карте горели точки. Зелёные, жёлтые, красные. Каждая точка — человек. Каждый человек — данные. Пульс, маршрут, история поиска, покупки, разговоры.

— Не мешайте ему, — сказал Саввин.

Пауза. Человек за спиной не двигался. Но Саввин чувствовал его удивление. Не по звуку. По тишине.

— Не мешайте, — повторил Саввин. — Пусть слушает. Пусть чистит. Пусть думает, что нашёл что-то. Мне интересно, что он услышит. И мне интересно, что он сделает дальше.

— А если он пойдёт дальше?

Саввин улыбнулся. Тихо. Улыбка не издаёт звука. Но она меняет лицо. Меняет воздух.

— Тогда мы узнаем, насколько он хорош. И насколько он нужен.

Он закрыл ноутбук. Посмотрел в окно. Город светился. Миллионы огней. Миллионы людей. Миллионы шумов.

— Фаза три завершена, — сказал Саввин в пустоту. Не в телефон. Не в микрофон. Просто в воздух. Как констатацию. Как точку в предложении. — Переходим к фазе четыре.

За спиной тишина. Потом — ничего. Человек исчез. Не вышел. Не ушёл. Просто перестал быть.

Саввин посмотрел на отражение в стекле. Своего лица. Спокойного. Ровного. Идеального.

Как метроном.

===ГЛАВА===

Глава 5. Помехи

Я не спал.

Не потому что не хотел. Потому что не мог. Каждый раз, когда я закрывал глаза, я слышал шёпот. Фаза три. Объ-

ект стабилен. Переходим к коррекции. Четыре слова. Восемь слогов. Ровный голос. Без эмоций. Без сомнений. Как человек, который читает список покупок.

В шесть утра я встал. Умылся. Посмотрел в зеркало. Под глазами — тени. Не тёмные, не кинематографичные. Просто серые. Как будто кто-то мазнул по лицу грязной тряпкой. Волосы торчат. Щетина. На скуле — вчерашний порез от лампочки, затянулся, но ещё розовый.

Я выглядел как человек, который не спал. Потому что я не спал.

В восемь я был в студии. Включил монитор. Открыл проект. Посмотрел на спектрограмму. Полоска шёпота на трёх тысячах герц. Зелёная. Тонкая. Как трещина на стекле.

Я начал копать.

Денис Волков. Блогер. Тридцать один год. Расследования. Городские подряды. Строительство. Мэрия. Канал на триста тысяч подписчиков. Заблокирован месяц назад. Причина: «нарушение правил платформы». Потом — крыша. Двадцать третий этаж.

Я искал в интернете. Старые статьи. Кэшированные страницы. Архивы. Волков писал о компании «Аврора Групп». О городских контрактах. О том, что строительные тендеры выигрывают одни и те же люди. О том, что социальные программы — это прикрытие.

«Аврора Групп». Я загуглил.

Виктор Саввин. Основатель. Генеральный директор. Фи-

лантроп. Спонсор городских программ. Лицо с обложек журналов. Улыбка. Костюм. Руки сложены перед собой. Поза человека, который контролирует всё.

Я смотрел на его фотографию. Обычное лицо. Не злодейское. Не карикатурное. Просто лицо. Сорок пять, может, пятьдесят. Седина на висках. Очки. Спокойные глаза.

Переходим к коррекции.

Я не знал, связано ли это. Может, нет. Может, я натягиваю сову на глобус. Может, шёпот на записи — это совпадение. Может, кто-то на крыше разговаривал по телефону. Может, это не имеет никакого отношения к Волкову.

Но голос. Спокойный. Ровный. Как метроном.

Мой телефон завибрировал. Не сообщение. Звонок. Незвестный номер.

Я посмотрел на экран. Семь цифр. Без кода. Внутренний номер. Стационарный.

Я не ответил. Телефон звонил. Десять секунд. Пятнадцать. Двадцать. Замолчал.

Я положил телефон экраном вниз.

Потом взял. Открыл настройки. Проверил. Ничего необычного. Но батарея за ночь села на сорок процентов. Я заряжал его в одиннадцать. К восьми утра должно было остаться восемьдесят. Не сорок.

Мелочь. Может, приложение жрало заряд. Может, обновление. Может, всё что угодно.

Но я заметил. Я всегда замечаю.

Я открыл ноутбук. Проверил. В журнале системы — три подключения к удалённому доступу за ночь. В два часа. В четыре. В шесть. Я не давал удалённый доступ. Никому. Никогда.

Я отключил ноутбук от сети. Выдернул кабель. Закрыв крышку.

Сидел в тишине. В подвале. Без окон. Без города.

И думал.

Кто-то залез в мой ноутбук. Ночью. Пока я слушал запись. Пока я слышал шёпот. Кто-то смотрел, что я делаю. Что я нашёл.

Или кто-то проверял, нашёл ли я.

Я взял флешку с записью. Положил в карман. Взял вторую флешку — резервную. Положил в другой карман. Взял телефон. Посмотрел на него. Подумал. Выключил. Полностью. Не в спящий режим. Выключил. Положил на стол.

Надел наушники. Взял куртку. Вышел из студии.

Город ударил по ушам. Даже через наушники. Гудки. Голоса. Метро. Ветер. Город кричал. Город всегда кричит.

Мне нужно было найти Веру Ковалёву.

===ГЛАВА===

Глава 6. Вера

Я нашёл её через два часа.

Не через интернет — телефон был выключен, а ноутбук я оставил в студии. Я пошёл в библиотеку. Обычную. Городскую. С бумажными каталогами и бабушкой на ресепшене,

которая смотрела на меня как на инопланетянина, потому что в две тысячи двадцать пятом году люди не приходят в библиотеку искать статьи.

Я искал Веру Ковалёву по старым газетным архивам. Нашёл. Статья двухлетней давности. «Необъяснимые суициды. система или совпадение?» Газета «Городской вестник». Тираж закрыт. Редакция расформирована. Автор уволена.

В статье Вера писала о шести случаях. Шесть человек за полтора года. Все связаны с городскими социальными программами. Все погибли. Все — суицид или несчастный случай. Вера намекала на систему. На закономерность. На то, что кто-то убирает людей, которые знают слишком много.

Статью не опубликовали. Веру уволили. Газету закрыли.

Я сидел в читальном зале, в тишине, среди запаха старой бумаги и пыли. И думал: где сейчас Вера Ковалёва?

Ответ нашёлся сам. На последней странице архивной копии статьи, в самом низу, мелким шрифтом: «В. Ковалёва, бар “Тишина”, ул. Заводская, 14».

Не адрес. Подпись. Вера не написала, где её найти. Но она оставила след. Для тех, кто ищет. Для тех, кто читает.

Бар «Тишина» на Заводской. Я усмехнулся. Тишина. Хорошее название.

Я поехал туда.

Бар оказался подвалом. Буквально. Лестница вниз, облезлая дверь, вывеска из фанеры. Внутри — полумрак, запах старого дерева и дешёвого алкоголя. Три стола. Барная стой-

ка. За стойкой — женщина.

Вера Ковалёва. Тридцать два, может, тридцать три. Короткие волосы. Тёмные круги под глазами. Блокнот. Бумажный блокнот, в котором она писала ручкой. Не печатала. Писала. Ручкой. По бумаге.

Она посмотрела на меня, когда я вошёл. Не удивилась. Не напряглась. Просто посмотрела. Как человек, который видит много людей и давно перестал удивляться.

— Закрыто, — сказала она.

— Одиннадцать утра.

— Я сказала «закрыто». Это значит, что я не хочу, чтобы кто-то заходил. Вне зависимости от времени.

Я сел на табурет у стойки. Положил на неё флешку.

— Денис Волков. Запись с крыши. Я слышал шёпот.

Вера замерла. Ручка остановилась над блокнотом. Она смотрела на флешку. Потом на меня. Потом снова на флешку.

— Кто вы?

— Марк. Аудио-форензик. Чищу звук. Гриша из полиции дал мне запись. Я нашёл голос на фоне. Кто-то сказал: «Фаза три, объект стабилен, переходим к коррекции».

Тишина. Настоящая. Не та, которую я создаю наушниками. А та, которая бывает, когда два человека перестают дышать.

Вера отложила ручку. Закрыла блокнот. Посмотрела на меня.

— Вы знаете, что случилось с теми, кто слышал этот шёпот до вас?

— Нет.

— Они умерли. Все. Шесть человек. Я считала. Может, больше. Я не знаю.

— Тогда почему вы живы?

Вера усмехнулась. Криво. Нехорошо.

— Потому что я не слышала. Я только подозревала. А подозрение — это не доказательство. А вы принесли доказательство. Значит, вы следующий.

— Или вы.

— Или я, — согласилась Вера. — Поэтому давайте не будем стоять на месте. У вас есть копия записи?

— Три.

— Где?

— В разных местах.

— Хорошо. Не храните все в одном. Они найдут. Они всегда находят.

Она встала. Взяла куртку. Взяла блокнот. Взяла флешку. Положила в карман.

— Идёмте. Здесь нельзя говорить. Стены тонкие. А у меня есть место, где нет ни одной электроники.

— Где?

Вера посмотрела на меня. В её глазах было что-то, чего я не мог прочитать. Не страх. Не злость. Усталость. Та же усталость, что у Гриши. Та же пустота.

— В бомбоубежище, — сказала она. — Под старым заводом. Без связи. Без камер. Без сигнала. Только бетон и тишина.

Она пошла к двери. Я за ней.

На улице город шумел. Вера не носила наушников. Она шла сквозь шум как сквозь воду. Не замечая. Не реагируя.

Я завидовал.

===ГЛАВА===

Глава 7. Визит

Он не издавал звуков.

Это было его главным навыком. Не стрельба. Не рукопашный бой. Не умение взламывать замки или подделывать документы. Его главным навыком было отсутствие звука.

Он двигался так, как двигается тень. Не тень в физическом смысле — тень не имеет массы, не имеет веса. У него была масса. Восемьдесят два килограмма. Но он научился распределять вес так, чтобы не издавать ни звука. Ни скрипа подошвы. Ни шороха ткани. Ни дыхания.

Его называли Чистильщиком. Не потому что он убивал. Убийство — это грязно. Убийство — это шум. Кровь. Крик. Следы. Он не убивал. Он чистил. Убирал. Делал так, чтобы человек исчез. Тихо. Аккуратно. Без следа.

Сегодня у него была задача. Не убить. Проверить.

Квартира на седьмом этаже. Обычная дверь. Обычный замок. Он открыл его за три секунды. Не отмычкой. Ключом. Ключ был в базе. Всё есть в базе.

Он вошёл. Не включил свет. Не нужно. Он знал планировку. Знал, где стол. Где кровать. Где кухня. Знал, потому что знал всё. Данные. Цифры. Алгоритмы.

Квартира была пуста. Хозяин ушёл. Час назад. Может, два. Постель не заправлена. Чашка в раковине. Капля воды на столе. Свежая.

Он осмотрел стол. Три монитора. Клавиатура. Наушники. Кабель от наушников.

Он взял кабель. Осмотрел. Нашёл то, что искал. Крошечный жучок. Вшитый в оплётку. Не его. Не их. Чужой. Кто-то уже был здесь. Кто-то уже слушал.

Он положил кабель на место. Осмотрел ноутбук. Закрыт. Выключен. Не в спящем режиме. Выключен полностью. Хозяин что-то заподозрил.

Он подошёл к окну. Посмотрел на город. Седьмой этаж. Вид на трансформаторную будку. На мусорные баки. На серое небо.

Он достал телефон. Набрал номер. Один гудок.

— Он ушёл. Забрал флешку. Ноутбук выключен. Телефон выключен. Он знает.

Пауза. Голос на другом конце. Спокойный. Ровный.

— Хорошо. Значит, он готов.

— Что дальше?

— Жди. Он придёт сам. Они всегда приходят сами.

Щелчок. Связь оборвалась.

Чистильщик убрал телефон. Посмотрел на наушники на

столе. Большие. Полноразмерные. Шумоподавление.

Он взял их. Повертел в руках. Положил обратно. Сдвинул на два миллиметра вправо.

Не зачем. Просто чтобы хозяин знал. Чтобы хозяин почувствовал. Чтобы хозяин понял: здесь были.

Он вышел. Закрыв дверь. Запер замок. Спустился по лестнице. Не на лифте. Лестница тише.

На улице он исчез. Растворился. Стал частью города. Ещё одной тенью среди миллионов.

Никто не слышал, как он ушёл.

===ГЛАВА===

Глава 8. Правило тишины

Я вернулся домой в четыре часа дня. Вера дала мне адрес бомбоубежища и сказала: «Завтра в полдень. Без телефонов. Без умных часов. Без всего, что может пинговать. Только ты и бумажная карта».

Я кивнул. Пошёл домой.

Квартира встретила тишиной. Непривычной. Костя не сверлил. Сосед снизу не варил кофе. Даже холодильник молчал. Я нажал кнопку — он загудел. Значит, работал. Просто не гудел, пока меня не было.

Я сел за стол. Включил ноутбук. Посмотрел на журнал подключений. Три удалённых доступа. Ночные. Я их не давал.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.